О злободневномъ и вѣчномъ.

1.

Первое впечатлѣніе отъ Сфинкса:

— Старая обезьяна, уродъ, эфіопъ!

Послѣднее впечатлѣніе:

— Ангелъ!

У подножія Сфинкса бывалъ очень часто я; тайна слиянности въ немъ Аполлона и эфіопа меня поражала всегда; эта тайна вырвала его изъ вѣковъ; этой тайною онъ притянутъ къ XX вѣку до нашей эры и — послѣ; такъ оба XX вѣка пересѣкаются въ Сфинксѣ; а прибои культуръ пѣною разбиваются о него; онъ глядитъ — изъ-подъ греческой маски; и изъ-подъ рожи современнаго футуриста-художника; злободневность въ немъ разорвана въ Вѣчность; и въ немъ Вѣчность сама — злоба нашего дня; въ немъ слиты полярности пола «онъ —но Sfinx; онъ—не». Нѣтъ ничего злободневнѣе кучи трухляваго камня, на которой изваяна эта старая голова.

Рядъ статей одного писателя (къ сожалѣнію разгѣвавшаго свой талантъ) вспоминался въ Египтѣ мнѣ: произведенія Достоевскаго въ немъ сопоставлены съ... египетской графикой, какъ плоды, одинаковыхъ переживаній и бурь; если такъ это, то интимное вѣдѣніе Египта мы носимъ съ собою; его тайны — на улицѣ, гдѣ-нибудь между Литейнымъ и Невскимъ, а не... въ булакскомъ музеѣ; тысячелѣтія прошлаго не внѣ насъ, а — въ насъ они, съ нами; и въ движеніи нашего пальца, въ улыбкѣ, въ манерахъ, въ цилиндрѣ, во всемъ строѣ жизни — осуществившіяся синтезъ Египта, Халдеи, Ассиріи и т. д.; откровеніе ассирійскаго духа не въ кропотливѣйшемъ изученіи мало понятныхъ письменъ, а въ газетной статьѣ, можетъ быть; эсотерика — въ умѣньи видѣть: на улицѣ — улицу; въ храмѣ — храмъ; подъ злободневною рябью — океаническія глубины все тѣ же, что и подъ спудомъ мистеріи; пиджаки таинственнѣй мантіи: и несомнѣнно мнѣ, что та же священная тайна построила формы: фараоновой шапки и каски пожарнаго; въ линіи орнаментальнаго завитка на дешевенькомъ ситчикѣ — линіи священнѣйшихъ таинственныхъ знаковъ; въ бѣгствѣ отъ «улицы» правды нѣтъ: въ умѣніи видѣть на улицѣ сфинксовы тайны — посвященіе въ мудрость XX вѣка. Собственнымъ ликомъ на насъ смотритъ Рамзесъ II, фараонъ — изъ-подъ стекла въ музеѣ среди каирскихъ кварталовъ, напоминающихъ мнѣ Парижъ, а его двойникъ, полисмэнъ, феллахъ стилизованнымъ египетскимъ жестомъ поднимаетъ на улицѣ бѣлую полисменскую палочку среди автомобильнаго тока; подлинный ликъ Рамзеса — феллахскій; между Рамзесомъ и статуями Рамзеса въ Мемфисѣ — ни малѣйшаго сходства нѣтъ; впечатлѣнія эпохи Рамзеса посѣщаютъ васъ и на улицѣ; вы бываете странно выбиты изо всѣхъ культуръ и исторій.

2.

Кто не знаетъ этого переживанія во время горныхъ подъемовъ? Вы живете въ маленькомъ городкѣ; вы охвачены его жизнью; и вы въ нее впаяны; вы сидите въ кафэ; и со всѣми вмѣстѣ склоняетесь вы надъ газетою; переживаете событія міровой войны, бродите по безконечнымъ уличкамъ, надъ которыми приподнялся далекій, все тотъ же пейзажъ — точно фонъ декораціи; и все то же озеро плещетъ, бросая о берегъ все тѣ же лимонныя корки.

Вотъ теперь вы уходите въ горы.

Смотрите же: —

—озеро опустилось подъ ноги и мгновенно сжалось; разгладилась его рябь, будто скомканный листъ оловянной бумаги отполировала дѣтская ручка; и проступили: пугливые, невыразимые тоны водъ; такъ проясняются глаза человѣка въ минуту закучивости и наливаютъ лазурь, изъ извѣчнаго устремляясь въ вѣка; и такъ такъ въ современности злоба дня; изъ-подъ пѣны ея наблюдаете вы въ современности тысячелѣтія прошлаго.

И такъ при подъемѣ въ горы.

Изгибается все: цѣпь горы, дома, люди, рельефы; безконечности каменныхъ домовыхъ квадратовъ и кубовъ теперь сжаты глубоко подъ вами—на ладонь мысочкѣ; а, казалось, длинныя горы—повытянули свои главы, раздались прозрачно плечами и перегнулись надъ озеромъ—прямо къ вамъ: на васъ смотрятъ въ упоръ: то, чѣмъ смотрятъ онѣ, не война, не событія городка, города, столицы, страны, континента, эпохи, періода времени; о современности, понятой въ вашемъ смыслѣ, не можетъ быть рѣчи; и тамъ не мелко, этотъ взглядъ современности и эти пространства утесовъ злободневно кажутся изолированными невыдержанныхъ ручьевъ; ассиры, вавилоны, египты [illegible] своей злобо[illegible] и отношения безслѣдно; а эти летящія струи кипѣли все такъ же, и тѣмъ же кипѣли; кипѣніе этой жизни—не мертвенно; мертвенное—сидѣнье въ кафэ; даже мертвенное—война; текущее остановится въ XXV столѣтіи, перенесется въ музеи (если будутъ музеи); на мысли тамъ, подъ вами, будутъ мыслиться, можетъ быть, пятиугольныя зданія со странными куполами; а кипѣнье потоковъ, взлетъ горныхъ громадъ — останется тѣмъ же все; то же—выжжетъ онъ въ душѣ, что въ этотъ мигъ происходитъ; переживаніе Ганнибала, можетъ быть, отошедшаго здѣсь, вы узнали теперь съ математической точностью; человѣкъ XXV вѣка, вы, Ганнибалъ и нецерный достоевскій человѣкъ, пересѣлись теперь въ одномъ пунктѣ души; и то, въ чемъ вы всѣ пересѣлись, есть вѣчное; кристаллизуя культуръ, эпохъ, современностей и довлѣющихъ дневныхъ злобъ выкристаллизовались изъ подобнаго мига; вы теперь—не надъ маленькимъ швейцарскимъ мѣстечкомъ, а надъ всѣми культурами: бывшими, грядущими, сущими; вы—у себя самого; потому что вы—въ космосѣ и космическая картина сознанія изъ подъ порога сознанія городского—она передъ вами; въ дневникѣ происшествій предъ вами разлилися смыслы: загласили они пророчными поклами серафимовъ; обратно: съ глубинного переживанія Заратустры слетаетъ покровъ; и покрывало Наиды отдернуто. Вы теперь—мощный гранъ, гдѣ потенціи всѣхъ исчезнувшихъ и бывшихъ культуръ протекаютъ въ раскаленномъ состояніи; и потоки исторіи: изъ души человѣка, какъ изъ вулкана, поднявшись, вылетаютъ всѣ культуры съ тайнами и ослѣпительностями, всѣ кристаллизаціи истинъ, все неочетное число ихъ покрововъ; тутъ вступаете вы въ ту область, гдѣ разумѣніе законовъ и встанъ не въ нихъ, а въ самомъ законѣ законовъ, ихъ строящемъ; въ ритмѣ строенія, въ законѣ метаморфозъ переживаній, мыслей, модъ, стилей, лицъ; здѣсь сознаніе переступаетъ порогъ, потому что и нѣтъ его у сознанія; порогъ сознанія сознанію не присущъ; порогъ сознанія есть всегда лишь граница, изнѣ заслоняющая мои кругозоры; не граница дѣйствія, а предметъ передъ глазами столпій, какъ вотъ эта стѣна моей комнаты, улицы, застилающей зрѣніе горы; зрѣніе мое видитъ звѣзды, въ зрѣніи мощнолучезарныя дали переходятъ свободно я; въ сознаніи—тоже; надо только выйти изъ рамокъ; умѣть рамить мускулы, способные приподнимать меня за порогъ передо мною положительныхъ стѣнъ, и мнѣ не прыгнуть.

Многіе жители городовъ не покидаютъ города годами; а для многихъ больныхъ представленіе о [illegible] сознанія—[illegible] съ представленіемъ о четырехъ желтыхъ стѣнкахъ, вытаращивающихъ у нихъ за спиной. Но отношеніе къ сознанію—то же; мы всѣ больны параличами воли сознанія; оттого-то мы ему безсознательно полагаемъ границу—въ пространствѣ и времени; эта граница въ пространствѣ—стѣна; и эта граница во времени—злободневность; злободневность и провинціализмъ нашей жизни изъ поколѣнія въ поколѣніе отпечатали въ насъ свои представленія о границѣ сознанія и о порогѣ сознанія; границѣ сознанію нѣтъ; а пороги сознанія побѣждены—въ пространствѣ и времени.

Вѣдомы намъ дали звѣздъ; и—непосредственно вѣдомы; а непосредственное переживаніе тамъ истекшихъ культуръ,—звѣзды Индіи, Персіи, Египта, Халдеи,—будто бы намъ извѣдомы; и будто бы: чтобъ понять нервъ исторіи, надо кануть въ пыль музейныхъ архивовъ; но музейныя данныя не Египту принадлежатъ насъ, а египетской пыли; сынъ Египетъ,—онъ въ насъ; кровь онъ крови его, плоть отъ плоти его—мы: слѣдуетъ только твердо отстаивать систему фальшивыхъ подлогъ, въ которыхъ будто бы сознаніе наше заключено, какъ въ тюрьму; эти «пороги» есть пыль злободневности: ея дымчатые отбросы; въ своихъ нервахъ она—та же древность, которую будто бы она заслоняетъ, и то же грядущее, которое будто бы и вовсе невѣдомо намъ; оно невѣдомо въ своей «пыли», и оно съ нами—въ сути: въ ритмѣ душевныхъ глубинъ обнажены намъ бываютъ горою; надо только сумѣть произвольно ихъ открывать и описывать явленія глубинной жизни сознанія; въ душѣ каждаго обнажаемъ [illegible], у котораго нѣтъ индивидуальнаго дна и который есть выходъ одновременно въ небо духа и космосъ; какъ по тѣмъ же космическимъ принципамъ образовались планеты всѣхъ солнечныхъ системъ, всѣхъ вселенныхъ, точно такъ же слагаются и слагались фазы исторіи; и законъ фазъ во мнѣ; уловя я его—исторія встанетъ передо мной разоблаченной въ ея объясняющемъ стержнѣ; а пониманіе многообразій мелодіи ея—только чтенье нотъ; суть не въ нотахъ, а въ принципѣ нотнаго чтенія; и умѣніе чтенія знаковъ событій, искусствъ, стилей, модъ, философій, религій душевныхъ движеній—въ умѣніи спускаться въ себя, открывши горы и пропасти; кажущаяся противорѣчіе между жизнью въ себѣ и въ другихъ устраняетъ первый опытъ вниманія къ солнцу собственныхъ душевныхъ движеній; нежеланіе ихъ хаотичность, неопытность, [illegible] т. е. все то, что людьми звучныхъ словъ именуютъ «сублимированнымъ полемъ» сознанія—на сознаніе надѣвшая пыль; принимаясь за чистку пыли, вы пыль поднимаете; по мнѣнію поднятіе пыли есть условіе очищенія отъ пыли; при [illegible] мятежномъ взглядѣ внутрь — исчезаетъ весь хаосъ; окружающее отражено вами и чище, и четче; въ умѣньи отражать—умѣніе понимать; душа—зеркало міра; замутнено оно—міръ мѣтъ.

3.

Злободневность летитъ передъ нами на своихъ острѣйшихъ углахъ; быть и вкусы кричаще мелькаются на протяженіи трехъ-четырехъ поколѣній; такъ въ малыхъ масштабахъ линія исторической жизни рисуетъ контрасты намъ; а въ огромныхъ масштабахъ господствуетъ законъ сходствъ; многообразіе чаяніяхъ исторіи въ ея мысляхъ, искусствахъ, религіяхъ, архитектоникѣ стилей, быта, привычекъ—образуетъ легкую рябь по отношенію къ основной неизмѣняемой прямой линіи времени; на извѣстной стадіи восходящая спираль эта рябь; и отражается въ зеркалѣ жизни души человѣка; жесть кутфера и жесты Фонтенжа. Нельзя различенью противорѣчить другъ другу, пока вы въ злободневности, вѣрнѣй, въ ея отбросахъ; но погружаясь въ себя или только чаще карабкаясь въ горы, вы начинаете понимать оба жеста, какъ модуляціи единаго душевнаго жеста, вся безстрастна мимикъ теперь—метаморфоза неминучихъ нотъ единыхъ, бѣдомыхъ вамъ изнутри и гладящихъ лазурь на васъ: улыбкою египетскихъ статуй, улыбкой Джіоконды и... можетъ быть, вами винной булочницы; понимаете вы: что душа древней египтянки не такъ-то закрыта отъ васъ, какъ XVIII вѣкъ, столь вамъ близкій, повторяетъ предъ вами древнѣйшія критскія моды, какъ гласятъ намъ раскопки.

Возвращаясь съ горъ, только чутче узнаете вы все горное въ дольнемъ деревнѣ; возвращаясь изъ себя въ злободневности, вы увидите—Вѣчность въ ней.

Вышие, молнія, міровая война, пророчества, расколы на Критѣ, священныя письмена и текущій судебный процессъ—злобы дня Вѣчности, потому что вѣчное—злободневно; умѣніе переносить тысячелѣтія въ мгновенія, умѣніе переживать мгновенное въ вѣчномъ—злободневнѣйшій нервъ злобы дня, потому что Сфинксъ исторіи отгнетъ нервъ нашъ, Эдипъ, и предлагаетъ намъ свои загадки и тайны—злободневными темами, и злободневнѣйшій нервъ злобы дня есть нашъ отвѣтъ Сфинксу.

Нашъ отвѣтъ есть судьба.

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ.